

Часть 13

Период после смерти Брежнева можно считать неким просветлением в головах руководящей прослойки СССР. Дело в том, что период застоя не был чисто русским явлением; в мире крупнейшие банкиры полностью убедились в том, что третий мир (в то время СССР официально к третьему миру не относился) не может уже платить по процентам и, следовательно, не может являться источником финансовых потоков за предоставленные кредиты.

Парадокс заключался в том, что западные банкиры и нефтедобывающие страны, направляя в качестве кредитов свободные деньги – нефтедоллары, с одной стороны, вытащили гораздо больше денег, чем вложили. А с другой стороны, долг третьего мира западному увеличивался все больше, как будто те ничего не платили. Они, разумеется, платили, и платили много, но проценты росли... По общим правилам свободной конкуренции, западный мир ничего не делал для того, чтобы эти деньги были эффективно использованы на месте. Вроде это не их забота. Но когда они поняли, что «за кукурузой или картошкой надо ухаживать», чтобы те продолжали давать устойчивые прибыли, то также пришли к выводу, что 70-е гг. были годами застоя экономической мысли запада.

Через два десятилетия после смерти Брежнева в Аргентине произошло нечто похожее. В начале прошлого века Аргентина входила в состав пяти самых богатых стран мира, т.к. она была самым крупным экспортером говядины во все страны Европы. Продукт питания являлся еще и мощным рычагом политики. Например, во время Второй мировой войны

правительство Аргентины поддерживало Гитлера, но англосакские финансисты не хотели создавать неудобств для аргентинцев, что тогда выглядело странным. На самом деле это было вполне логично. Высококачественная аргентинская говядина привозилась в Великобританию, которая во время войны не могла купить достаточного количества продовольствия в другом месте. После войны в Аргентину хлынуло много недобитых фашистских финансистов, которые поселились в ней не с пустыми руками, они привезли много валюты, награбленной по всей Европе, и экономика Аргентины получила мощное вливание финансовых ресурсов. Таким образом, по уровню жизни населения Аргентина не уступала многим считавшимся благополучными странам мира.

Теперь возникает вопрос: кто и зачем довел Аргентину до ручки? Аргентина в лице своих руководителей поддерживала внутриэкономическое равновесие за счет займов, но никто не думал направлять эти займы по назначению, и долг Аргентины международным банкам дошел до 132 млрд. долларов. Более того, у Аргентины истекли все сроки возвращения долгов. Финансовый поток перезанимания прикрыли, и у Аргентины остался единственный способ выхода из такого дефолта: немедленно снизить пенсии, более чем на 1/3 сократив все социальные расходы. Таким образом, вместо 1/3 населения Аргентины, находящейся за чертой бедности, теперь за этой чертой осталось 2/3 населения. На одной говядине не проживешь, теперь у Аргентины не остается денег на закупку других продуктов питания на международном рынке. Теперь население Аргентины, почувствовав предстоящую нехватку продовольствия, стало грабить магазины по всей стране по принципу большевистских идеологических элементов во время Октябрьской революции: «Грабь награбленное».

Как все то, что происходит сейчас, похоже на то, что произошло в конце 70-х гг. в третьем мире! Так же, как теперь,

аргентинцы не могут платить без резкого снижения уровня жизни населения. Точно так же в конце 70-х гг. третий мир уже не мог платить проценты по кредитам, потому что это ударило бы по уровню жизни прозападно настроенной местной бюрократии. Подумать только, если бы Запад начал закручивать гайки, то значительная часть этой бюрократии перешла бы на сторону коммунистов и выбросила бы американские военные базы, направленные против СССР, со своей территории; к тому времени западные идеологи знали, что коммунистические идеи уже гаснут, в первую очередь в СССР. Они боялись, что вновь образованные коммунистические государства вместе с СССР составят новый Коминтерн и взамен поставок современного оружия из СССР отдадут ему именно те ресурсы, которых не хватает брежневскому окружению после смерти их лидера.

Пока экономическая наука Запада задумывалась о том, «как выращивать кукурузу и картошку в финансовой области», банкиры сделали однозначный вывод: «Не менее четверти западных банков обанкротится, если деньги не придут из третьего мира». Где выход? Этот вопрос задавали себе многие знатоки международной жизни и, разумеется, видные офицеры разведки во всех странах мира. Наш герой входил в первую двадцатку лучших разведчиков мира по пониманию международной экономической ситуации, хотя по личному благосостоянию он был самым последним из них. Эта двадцатка выбиралась на основании многолетних данных, их информационная генерация влияла на текущий ход важнейших международных событий. Если учесть, что главные руководители всех разведок мира всегда знают друг друга лично, то определение конкурентов не составляет особого труда. Хотя личные встречи руководителей разведок мира бывают редкостью, все знают, кто чем занимается и, следовательно, могут определить ценность кадров своего противника.

Наш герой попал в такой «международный клуб избранных разведчиков» со времен Кентских событий. В Кенте полицейские США застрелили студента во время подавления студенческого бунта. Это, казалось бы, незначительное событие обсуждалось во многих странах мира. От нашего героя потребовали оценки этого события. И, как ни странно, удивительно удачная фраза нашего героя перекочевала из секретных советских документов на столы руководителей всех разведок мира. А фраза была такова: «Какой идиот будет стрелять в студентов, которые завтра будут управлять государством?». Эта фраза особенно болезненно была воспринята в странах с демократической формой правления. Разумеется, многие видные эксперты говорили примерно то же самое, но, выраженная простым, понятным языком, эта фраза оказалась победительницей при своеобразном соревновании высказываний благодаря своей краткости и эмоциональности.

Вот почему в СССР ожидали, какова будет оценка нашим героем поведения банкиров, подлежащих разорению. Ответ был таков: «Банкиры свои деньги направляют туда, где экономические рычаги до них вытеснялись административными. Поскольку в Индии и Китае административные рычаги не имеют такого значения, как в СССР и странах народной демократии, то следующий объект хищнического освоения может быть только один – это страны СЭВа».

Казалось бы, в политике главное – знать причину, и тогда предстоящую беду можно предотвратить ответными мерами. Однако здесь вопрос стоял несколько своеобразно. Для того чтобы деньги возвращались кредиторам с процентами в банки, необходимо, чтобы руководящие позиции занимала совсем другая общественная прослойка.

Для того чтобы большевики могли удержаться у власти, им нужно было сделать две вещи: решить проблему «устаревшего авторитета» и снять все препятствия проникновения

науки в промышленность. Первый вопрос они могли решить. Например, всех членов Политбюро пенсионного возраста автоматически переводить в какой-либо другой партийный орган – общественно уважаемый, с правом совещательного голоса, работающий рядом с Политбюро. Второй вопрос, по-видимому, они в принципе решить не могли, т.к. речь шла о потеснении на властном поприще в пользу другой общественной прослойки, в которую входили такие же члены партии. Но общественная прослойка хрущевских выдвиженцев во главе с Брежневым даже не предполагала с кем-то делиться властью.

Пример: в порядке всеобщей профилактики наш герой однажды имел душевную беседу не с одним, как всегда, а с двумя генералами сразу. На втором этаже Дома офицеров в уютной комнате стол был сервирован всеми мыслимыми деликатесами и напитками высокого качества. Разговор вел представитель ГРУ, генерал из военного отдела ЦК КПСС преимущественно молчал и что-то записывал. Вопрос был поставлен ребром: что думают об этом в Академгородке? Ответ: «Когда создали государственный комитет по науке и технике, то, как считают ученые, этот орган не мог выполнять своей функции, т.к. власть по-прежнему сохранялась в Совмине. Уберите Совмин, оставьте только госкомитет по науке и технике, и тогда бюрократия будет помогать внедрению науки в промышленность». Тогда генерал из ЦК сказал чуть ли не единственную фразу за тот вечер: «А функции контроля?». Ответ был так же краток: «С нас достаточно партийного контроля».

Много в тот вечер было сказано такого, что до сих пор является государственным секретом. Но генерал из ГРУ заключил разговор словами: «Тогда парадом будут командовать другие люди, слыханное ли дело, что госкомитет по науке и технике будет генерировать идеи, а членам Политбюро останется проследить за выполнением приказа». Наш герой тогда

ответил: «Функции ГКПНТ будут сосредоточены в области экономических решений, поэтому внешне это не будет заметно. Воспитывать советский народ по-прежнему будет Политбюро; райкомы, горкомы и обкомы просто будут вынуждены вникать в детали формирования качества продукции. В их состав по мере необходимости перейдет побольше университетских кадров. На прощание генерал из ЦК ехидно спросил: «Уж не собираешься ли командовать нами?». Ответ: «Пока мы равны по званию, после третьей генеральской звезды посмотрим». И снова реплика: «Третью звезду, по-видимому, приобретешь, но твоей карьере тогда придет конец, т.к. испугаются «новой метлы»».

После расставания все понимали, что в руководстве КПСС, формирующемся по принципу «кто больше», мастер интриги не допустит в свой состав либерального крыла, т.к. интриги – их единственный интеллектуальный ресурс – будут запрещены.

Во все времена смысл власти заключался в том, чтобы на два-три шага опередить правосудие и за совершенное преступление против своих коллег остаться безнаказанным (якобы эти преступления были совершены в государственных интересах).

Как бы там ни было, от чешских событий до польских вымирало поколение, которое не было способно самоорганизовываться и защищать интересы большевизма. Поколение же, начавшее заход во власть в 1977 г., не имело никаких новых идеологических проработок, за исключением антисталинизма. Но специалисты понимали, что такое новое идеологическое звено есть, только про него стесняются говорить громко. Эта новость будет провозглашена гораздо позже, в 1987 г. на XIX-й партконференции. Но пока шел 1984 г., и во главе государства стоял полупарализованный Константин Черненко. Это была лебединая песня большевистской партии. Черненко лично восстановил в партии В. Молотова, учитывая его заслуги перед

Советским государством. Дескать, исключение из партии – это не способ исправлять ошибки партийного руководства.

В общем, Горбачева ожидали увидеть в роли генсека вместо Черненко. Однако энтузиастом возвышения Черненко был министр обороны маршал Устинов. Все были возмущены такой самодеятельностью военного. Но вот удивительный случай: почти во всех странах Варшавского договора одновременно вымирают министры обороны. После смерти Устинова власть Черненко потеряла опору. Одновременный уход из жизни министров обороны остался незамеченным, т.к. это были люди преклонного возраста. Поэтому уход из жизни Черненко также был вне подозрения, хотя все знали, что его смерть организовал пришедший из Украины силовик Федорчук. Приход к власти молодого Горбачева все восприняли с облегчением. Мол, хватит с нас геронтологического проклятия в партийных рядах. В стране ждали перемен...

В то время среди опальных экономистов появился луч надежды. Все же приятно заметить, что в экономике есть закономерности, которые одинаково верны и для южноафриканской, и для советской бюрократии. Приятно осознать, что буржуазная экономическая мысль не дозрела до того, чтобы из третьего мира получить на миллиард меньше для того, чтобы эти миллиарды поступали дольше. Прижатая к стенке новая бюрократия в развивающихся странах отдавала последнее, доходя до собственного банкротства, которое одновременно означало банкротство не менее четверти всего капиталистического мира. Но если экономисты в Гарварде и обоих Кембриджах в США и Великобритании, а также специалисты при крупнейших вузах Калифорнии и Техаса, люди, получившие Нобелевские премии по экономике, не могут понять элементарных вещей, то сам Бог велел советским экономистам занять их место и переадресовывать Нобелевские премии в СССР. Вскоре, однако, пришлось отказаться от таких перс-

пектив, ибо весь вопрос заключался в том, что новая прослойка людей, достойных власти, или, как тогда говорили экономисты, «меритократия», не обладала достаточно волевыми и интриганскими качествами, чтобы прийти к власти и исправить положение. Такое безволие царило и у нас, и в странах народной демократии, и в развивающихся странах. Видные экономисты капиталистических стран никак не могли заявить открытым текстом, что стихия рынка может оказаться вредной и для капиталистов. Они не могли сказать образно: «Спекулировать на невежестве руководителей третьего мира значит рубить сук, на котором сидишь».

Оживились философы. Теперь буржуазный банкир должен был заботиться и об интересах информационного рынка. По словам философов, ООН должна закупать технологии у частных фирм и вливать в производственные структуры развивающихся стран, чтобы буржуазные банкиры продолжали получать проценты. Увы, заслуга философов заключалась лишь в том, что они справедливо высмотрели главный фактор кризиса – информационный рынок. Они были правы, что речь идет о международном информационном рынке (в то время еще не знали об Интернете). Но вот как заставить обладателя высокой технологии отдать промышленные секреты конкурентам – об этом философская мысль ничего не могла сказать...

Приход к власти Горбачева одновременно возродил интерес к наследию партии младороссов Кязембека. Ведь все специалисты по экономической и политической безопасности понимали, что Горбачев – воспитанник наследников этой партии. В КПСС вместе с Горбачевым входил чужой дух. Почему это допустили? Ответ: по той же причине, по какой Брежнев не арестовал делегатов Всесоюзного съезда – представителей оргпреступности. В Минводах заседали люди, которые вели коммерческие отношения с членами семьи Брежнева, особенно со старшим братом и зятем. Кроме того,

здесь был замешан и еврейский вопрос. Организаторами преступности являлись евреи по происхождению, уволенные с высокооплачиваемых должностей в партии и государстве. Брежнев тогда надеялся на сионистские кредиты для поправления дел в СССР.

Точка зрения нашего героя на Горбачева состояла в том, что раз политика Андропова была «мертворожденной», то партийный босс организованной преступности может сыграть какую-то роль в упорядочивании дел в экономике. Все дело заключалось лишь в том, на кого горбачевская администрация сделает ставку. В претендентах на место организатора финансового ликбеза партийных и государственных кадров СССР фигурировали разные силы. Кто предпочитал японских экономистов, кто считал родиной экономистов Великобританию с непременными традициями, кто считал, что наиболее близкими к нам по психологии являются французы. Естественно, фигурировали и американцы. Американские учебники для экономических вузов следовало бы тут же переводить на русский язык.

Была даже высказана фантастическая мысль: призвать в СССР на постоянное место жительства всех удачливых бизнесменов и ученых славянского происхождения, из членов семей которых подготовить суперэкономистов и разослать по всем областям и республикам СССР. Но в Москве в этой идее усмотрели антисемитизм, ибо взгляды славянских ученых, как в США, так и в СССР – нечто противоположное тому, чем всегда предлагали еврейские ученые. Постановка этого вопроса усложнила бы жизнь советской руководящей прослойки, поэтому с ним не стали торопиться. На кого опирается Горбачев, выяснили позже.

Однако с самого начала специалистам по безопасности стало ясно, что за Горбачевым стоят немцы. В разведке и контрразведке ловить агентов иностранных государств – боль-

шой труд. Но с самого начала по стилю высказываний, по типу организации последовательности действий известно, чей это шпион. Во всех выступлениях Горбачева праведно и обоснованно говорилось о необходимости «нового мышления», однако в чем конкретно должно выражаться это мышление, он не говорил – это типично немецкий тип мышления. Так, французы начали бы с конкретного примера. Британцы непременно указали бы на конечную цель, на ресурсы, которые необходимы. Американцы ответили бы кратко: «Это другой бизнес» и по возможности предложили бы список новых технологий, которые надо выкупить и вкладывать в дело. Традиционно русский способ – «не тех выдвигали».

Политика Горбачева в плане замены кадров как раз очень хорошо соответствовала традиционному русскому мышлению. И сразу же появились конфликты, в первую очередь в партсреде. Тогда же сразу возник вопрос, кем бы заменить самого Горбачева как партийного руководителя, оставив его председателем Верховного совета СССР. Ошибка последних большевиков состояла в том, что они делали ставку на престарелого Лигачева. Если бы они нашли кого-либо помоложе, например, из таких же органов безопасности, то их номер по сохранению власти, может быть, и прошел (этот прием будет использован через 15 лет при помощи Путина). Но тогда последние большевики принимали во внимание авторитет человека только среди своей партийной среды. В то время как 19 миллионов коммунистов были лишь частью 280-миллионного населения страны.

У нашего героя с Лигачевым были свои счеты. Лигачев – новосибирец по происхождению и первый партийный руководитель Советского района со времени создания Академгородка, хотя в то время командовал Томским атомным центром. Он хорошо знал нашего героя и регулярно читал его доклады наверх. Ему неоднократно докладывали, что наш герой в Ака-

демгородке ходит в потрепанном костюме, и у него нет денег, чтобы нанимать для своих детей лучших учителей. Лигачев всегда сидел на миллиардах и при желании мог бы уделить внимание нашему герою. Но Лигачев считал, что в Новосибирске существует своя партийная инфраструктура, и если они не хотят помогать, то, значит, имеют основания. И такие основания были. Просто в то время Лигачев, видимо, не знал, что ГРУ перестало финансировать своего агента перед XIX-й партконференцией.

Наш герой не любил Лигачева именно потому, что тот все доброе принимал за должное и все злое считал в порядке вещей. Такой человек, естественно, не мог быть любимцем органов безопасности. В то время наш герой еще получал свою генеральскую зарплату (до XIX-й партконференции), и личная антипатия к Лигачеву заключалась в том, что тот сам хотел стать генсеком вместо того, чтобы по обстановке выдвигать человека моложе самого Горбачева. Поэтому наш герой высказался против выдвижения Лигачева на пост генсека. Под словом «высказался» подразумевались многочисленные доклады, множеством доводов. Обстановка была весьма схожей со временем польских событий, когда Центр бесконечно требовал дополнительных доводов. Основная идея этих доводов заключалась в том, что речь может идти лишь о детализации понятия «новое мышление», выдвинутого Горбачевым. Раз коммунисты хотят сохранить Горбачева в качестве председателя Верховного совета и члена Политбюро, то смена в партийной власти должна диктоваться в форме усиления высказанных идей, а не их опровержения. Совершенно ясно, что генсек Лигачев отменит большинство новых дел, а то и ликвидирует самого Горбачева.

Кроме того, если бы вариант Лигачева был осуществим, то он бы осуществился во времена Андропова, который никак не мог найти общий язык с новой группой финансистов,

пришедших к власти. К несчастью для нашего героя, его позиция была с одобрением встречена в рядах организованной преступности. За твердую поддержку власти Горбачева (так это было понято) он получил третью генеральскую звезду. На самом же деле он хотел сказать, что вместо Лигачева надо было выдвигать молодого генерал-майора из внешней разведки, который бы сначала фигурировал в должности помощника генсека, а через год сам бы стал генсеком. А с Лигачева хватит должности председателя Ревизионной комиссии, а впоследствии руководителя Комитета по партийным традициям... Последнее уточнение несколько охладило авторитет нашего героя в московских кругах, и началась травля, хотя было уже поздно: третья генеральская звезда Совмином была уже присвоена (все генеральские звания присваивал только Совмин, тогда как до полковника включительно – Минобороны, звание маршала тогда присваивалось только Президиумом Верховного совета страны).

Гонения начались с того, что наш герой перестал получать запросы из Центра. Теперь в Доме офицеров его не ждали. Встречи происходили в укромных местах, абсолютно «случайно», где слушали его устный доклад о том, о чем бы он написал, если бы его попросили. По-видимому, голос записывался на диктофон, и кое-кто на этой информации продолжал собирать дополнительные сведения.

Горбачевское окружение также начало отворачиваться от нашего героя. Это выражалось в том, что по радио и ТВ шифры передавались не всегда. По-видимому, они хотели лишиться информации местных представителей ГРУ. Но здесь такая хитрость не проходила, ибо эти товарищи хорошо знали предысторию многих фактов государственного управления, и при происхождении важных политических событий они прекрасно восстанавливали недостающие сведения, которые они раньше получали адресно прямым потоком.

Идея XIX-й партконференции была, пожалуй, последним вкладом нашего героя в дело управления страной. Идеология этого вопроса состояла в том, что на партийной конференции Политбюро не обязано было отчитываться в проделанной работе, как это является обязательным на съезде. Партконференция – это своего рода «партийные посиделки», где коммунисты любого уровня обмениваются мнениями... К тому времени партия раскололась как минимум на две части. Первая – это «партортодоксы» во главе с Лигачевым. Вторая – «обновленцы» во главе с Горбачевым. Поэтому наш герой не ошибался в том, что во время партконференции будет меньше общих мест и больше конкретики. Но конкретика требовала узнать, кто автор этих проработок.

«Компетентным товарищам», к их немалому ужасу, стало известно, что экономическими советниками Горбачева и его окружения стали не просто немцы, а дети и внуки бывших ээсовских экономистов штандартенфюреров и группенфюреров. Если бы горбачевцы опирались на общество им. Й. Фраунгофера и его кадры, то наш герой и его друзья, сотрудники безопасности, по-прежнему дрались бы за сохранение власти Горбачева. Более того, это ожидалось, потому что общество им. Фраунгофера по существу является самой прогрессивной формой государства. Если в нашей стране просто предлагалось ликвидировать Совмин и передать его функции ГКНиТ, тем самым открыв ученым дорогу по контролю над качеством продукции, то немцы нашли более мягкий выход из положения. Один из статсекретарей любого министра был представителем общества им. Фраунгофера, и де-факто играл роль министра, т.к. министры-невежды подписывали только те бумаги, которые подготавливали им эти статсекретари. В немецком варианте реформы их Совмин формально сохранялся. В России этот вариант не прошел, ибо формально сохраненный Совмин гнул бы обязательно свою линию.

Таким образом, ближайшее окружение Горбачева плюнуло на отделение экономики собственной Академией наук и стало использовать знания бывших ээсовских экономистов. И это трудно было скрыть. Наш герой сомневался в том, что ээсовское отребье и их потомки будут чем-то лучше еврейских экономистов. Но именно к этому слову и стали придирались: причем тут евреи? И за полтора месяца до начала партконференции нашего героя уведомили о том, что из-за антисемитизма его сняли с финансового довольствия. После завершения XIX-й партконференции партийная власть везде поголовно заменялась советской властью, а партийным вожакам рекомендовалось избираться на посты председателей исполкомов любых уровней. Таким образом, официальная карьера нашего героя была завершена. Зарплату генерал-полковника он получал в течение чуть более двух лет до партконференции.

А что происходило в научной жизни нашего героя, начиная со времени правления Черненко до описанных выше событий?

В то время из остатков «Факела» продолжал функционировать тот кусок, который был связан с Институтом математики, потому что только Серж Макаров из всех заместителей Саша Казанцева продолжал жить в Академгородке. И хотя его уже уволили из Института математики, он продолжал оставаться авторитетом, и к нему обращались промышленные руководители для решения различных математических вопросов. Серж Макаров хорошо знал нашего товарища и к нему переадресовывал всех тех клиентов, которые по каким-то причинам его самого раздражали. Например, ученых, которые брались за решение тех проблем, в которых ничего не смыслили, или промышленных руководителей, которые могли бы дать только ставку, а наличными деньгами никогда не располагали.

Серж Макаров в те времена был романтиком. Он считал, что в человеке все должно быть прекрасно. Но должно не значит, что будет на самом деле. В жизни у людей гораздо больше недостатков, чем хотелось бы: людям дешевле возмущаться, чем платить реальную цену. Наш герой обычно терпеливо выслушивал таких деятелей, пытаясь найти какую-либо логику в их бесконечных рассказах, и дело обычно кончалось признаниями, в чем он может помочь и на какую сумму. Обычно в таких случаях клиенты соглашались на минимум, хотя в процессе работы им удавалось из него вытягивать гораздо больше. Таким образом, раньше в годы застоя наш герой через Сержа Макарова попал в Гипросвязь-4. А в новое время через него же попал в Институт археологии к доктору исторических наук В. Ларичеву. Тот располагал скульптурными предметами или рисунками женских фигур, на которых кроме женских атрибутов были какие-то орнаменты. Были пластины со спиральями и клотоидами, число дырок в которых было равно числу суток в году. Было совершенно ясно, что это связано с календарными обозначениями.

Современное поколение не знает, что некогда мужские и женские половые органы имели сакральный смысл. И до сих пор археологи находят огромные скульптуры мужских половых органов в просторах Восточной Азии, включая территорию Сибири. Но вот миниатюрная скульптура полового органа в конусообразной форме с плоским дном, где дно представляет собой овал, со скульптурно изображенным женским половым органом. Все это наглядно, и вне всякого сомнения. А вот что означает спиралеобразная полоса из четырех параллельных точечных дорожек, которые при переходе через «золотое сечение» раздваиваются на две трехдорожные ветви, причем точечные дороги где-то прерываются, оставляя прямоугольники, надо полагать, с определенным количеством точек?

Азбука археологии: если орнамент не составляет повторяющихся ритмов, то это не украшение, а текст. Надо было просто получить матрицу целых чисел и найти какую-либо закономерность в этом массиве цифр. А это уже похоже на работу разведчика, который угадывает ключ к шифру противника. Впрочем, долго мучиться не пришлось. Оказалось, что все целые числа пропорциональны одному дробному числу равному 29,53 – это самое известное в астрономии число, число суток в лунном месяце. А раз числа имеют календарные значения, то дальнейшие исследования уже являлись делом техники. Существует три наиболее известных астрономических ритма. Это солнечный год, который фигурирует во всех общеизвестных календарях. Это лунный год, который короче, чем солнечный: $29,54 \times 12 = 354,36$ суток. Существует и так называемый драконический год, составляющий 346,62 суток – этот год описывает повторения взаимного расположения Солнца и Луны. И все лунные и солнечные затмения связаны с драконическим годом. Астрономы хорошо знают период времени, называемый «сарос» – он равен 19 драконическим годам по 346,62006 суток – 6585,7812 суток, 223 лунных месяца по 27,81222 суток – 6585,372 суток,

239 аномалистических месяцев по 27,55455 суток – 6585,5372 суток. Аномалистический месяц это время колебаний диаметра Луны, поскольку Луна движется вокруг Земли по эллипсу.

Математический интерес нашего героя к этим цифрам состоял в том, что первобытный человек примерно 10-12 тыс. лет тому назад задолго до богатой египетской и греческой астрономий, не имея такого математического понятия, как дроби, располагая лишь целыми числами, сумел зафиксировать и использовать астрономические ритмы, которые могут выражаться лишь дробным количеством суток. Простейший вид такой «целочисленности» – это ввод високосного года с лишними сутками в феврале.

Но существует много других астрономических ритмов с дробным числом суток, и гений первобытного человека состоял в том, что он находил многие способы их «целочисленности». Например, было замечено, что через каждые 18 лет и 11 суток все небесные затмения повторяются практически полностью. А это равняется 19 драконическим годам. Следовательно, для первобытной математики не все целые числа имели одинаковое значение. Многие числа вызывали священный трепет. Например, ничем не примечательное число 19 являлось одновременно и циклом Метона, и циклом Сароса.

Практическим следствием сотрудничества было издание препринта без соавторства. К сожалению, вышел только его первый номер, где фигурировала числовая спираль в орнаментальной спирали, во второй части планировалось показать механизм классификации и способ определения лунных и солнечных затмений, т.е. работу аналогового вычислителя. Но к тому времени отношения нашего героя с Ларичевым были испорчены. Не только вторая часть, но и первая часть препринта по «мальтийской пластине» не вышли... Сотрудничество прекратилось. Однако через три года был издан сборник о древностях Сибири и Дальнего Востока под общим названием «История культуры востока Азии», где вышла совместная статья нашего героя с Ларичевым. Там содержание опубликованного препринта полностью вошло в состав совместной статьи. Ларичев лишь добавил, откуда взялась эта скульптура, как ее нашли и консервировали от окончательного разрушения, а также делал определенные выводы о мировоззрении первобытного человека.

Совместная статья попала в международные обозрения и получила много откликов от специалистов-археологов. Из разных стран к Ларичеву приходили письма с одобрениями и дополнениями. Например, археологи на других материалах убедительно доказывали, что многие астрономические сведе-

ния, которые раньше считались открытиями древних греков, на самом деле были известны за десятки тысяч лет до них. Отсюда наука делала вывод, что во времена каменного века уровень цивилизации был, может быть, даже более высок, чем теперь, ибо без знания периодов созревания растительной пищи, без знания миграции животных первобытный охотник мог бы умереть от голода. Именно в полосе около 55-й параллели астрономические ритмы были выражены наиболее четко. Здесь воспитывались умные и энергичные люди – воины, которые шли и покоряли население теплых стран, превращая их в рабов. Таких набегов насчитывалось примерно полтора десятка за 40 тыс. лет. Ссора с Ларичевым произошла оттого, что наш герой готов был на эту тему написать диссертацию. Но не в Академгородке, а в НИИ при Пулковской обсерватории. Но Ларичев эту командировку не захотел оформить. Дальнейшее сотрудничество теряло всякий смысл...

Часть 14

Описывать все неудобства после официального отказа ГРУ платить за услуги не имеет смысла, он только понял, что в новых условиях необходимо найти какое-то новое равновесие. Более того, надо было найти новый коллектив и попытаться в нем затеряться в качестве обыкновенного работника. Это было отделение медицинской кибернетики Института клинической и экспериментальной медицины (ИКЭМ). Коллектив, в общем, был знакомым, ибо раньше наш герой, работая в других учреждениях, здесь когда-то дополнительно подрабатывал в порядке трудового соглашения. Его неоднократно тогда просили перейти к ним на постоянную работу. Теперь он вроде уступил и принес туда трудовую книжку. К его удивлению, ему сразу дали звание старшего научного сотрудника, более того, через год сделали руководителем внешней хоздоговорной работы с «Якуталмазом». Здесь был свой подвох, но об этом он узнал позже. Оказалось, что прежний руководитель темы разбазарил большую часть денег, и они надеялись, что эту тему завершит человек за оставшиеся гроши. Не хотелось думать, что это плата за звание старшего научного сотрудника, тем не менее, это было так.

Утешением являлось то, что наш герой чуть ли не сразу нашел лежащее на поверхности открытие, которого никто не замечал. Он начал разрабатывать тему, и неожиданно для себя получил поддержку от тех кругов, от которых меньше всего этого ожидал. Началось все с того, что нашего героя попросили подготовить тезисы для конференции в Ашхабаде по вопросам выживания в ариадной среде, т.е. в условиях пустыни,

отсутствия воды, в сухой и жаркой среде. Из ИКЭМа было послано пять заявок и, следовательно, тезисов на доклады. Каково же было возмущение в ИКЭМе, когда в сборники тезисов только материал нашего героя вошел без изменения и без соавторства, тогда как остальные четыре тезиса были объединены в один доклад с перечнем авторского коллектива. Когда наш герой сам стал спрашивать об этом в Ашхабаде, ему объяснили: «Знакомая история: материал-то один, а разделили на несколько частей, чтобы все были довольны. У нас это делается сплошь и рядом».

Оказывается, в материале нашего героя чувствовался своеобразие, текст не был похож по стилю на тексты собратьев из ИКЭМа. Вероятно, это было связано с тем, что наш герой работал в самых разных научных коллективах и понахватался умений все излагать кратко. На конференции в Ашхабаде его слушали с большим вниманием и задавали так много вопросов, что он потратил вдвое больше времени, чем на основной доклад. Придя вечером в гостиницу, он до утра писал ответы на вопросы и кое-что добавил дополнительно. Гостиница была хотя и удобна для проживания, но двое парней, приехавшие из Ангарского промышленного района, ворчали на зажженный свет и, наконец, куда-то испарились. Именно это обстоятельство дало возможность работать до утра. Свежие впечатления играют большую роль в науке. Дело в том, что для научных открытий важна даже не та фраза, которая была услышана, а акценты на ключевые слова. По-научному это называется логическим ударением. Невольно задумываешься, почему на это слово поставлен акцент, что бы это означало? Вот почему важны свежие впечатления от задаваемых вопросов.

Утром он пошел на конференцию не выспавшийся, но настроение было очень приподнятое, и он даже умудрился весь текст перепечатать на машинке. Напечатала секретарша орг-

комитета и отказалась взять за это деньги, сославшись на то, что они это практикуют, если доклад особенно интересен.

Содержательная сторона научной работы состояла в следующем: в медицине статистика смертности населения имеет разные математические формулы для трех возрастных групп. Это, в первую очередь, детская смертность, при которой с увеличением возраста смертность заметно убывает. Другие математические формулы использовались для обработки данных в диапазоне от завершения детского возраста до 35 лет, когда человек уже полностью самостоятелен и сам заботится о собственном здоровье. С этой 35-летней отметки до конца жизни данный диапазон официально назывался соцстрахованием. Здесь математическим средством, описывающим сопротивление смерти, была убывающая экспонента, показатель которой назывался постоянной Гомперца. В зависимости от величины этой постоянной назначалась страховая сумма. Страховщики поняли, что удобнее рассматривать когорту, т.е. людей, родившихся в одном и том же году. Для каждого года у них была заранее вычислена постоянная величина Гомперца. Поэтому, когда человек страхует свою жизнь, самое ценное из его сведений – год рождения. В медицине эта убывающая экспонента называлась законом Гомперца (по имени страховщика, впервые обратившего внимание на эту регулярность).

Наш герой хорошо понимал, что организм есть единое целое, поэтому все три вида статистической обработки должны быть свернуты в одну общую обработку: должна быть вычислена единая формула для всех возрастов. Более того, для старших возрастов она должна совпадать с законом Гомперца, а для детского возраста – со степенной зависимостью. Кривая Гомперца есть решение дифференциального уравнения первого порядка. Ключ к новому открытию состоял в том, что наш герой решил: обобщенная кривая должна быть решением дифференциального уравнения второго порядка. Далее

все зависело от математической техники аналитика. Кривая оказалась с точностью до постоянного множителя гамма-распределением, хорошо известным в математике. Это колокообразная кривая, начинающаяся в начале координат, возрастающая до некоторого максимума, а потом монотонно убывающая до бесконечности. У кривой две точки перегиба, которые в данном случае имели физическую интерпретацию. Первая точка перегиба – это завершение детского возраста. Начиная со второй точки перегиба кривая полностью совпала с кривой Гомперца. Это был уже триумф, т.е. дополнительное подтверждение того, что научное открытие завершено; итак, медицинская кибернетика получила новую главу для демографических исследований.

Возвращаясь из Ашхабада, наш герой, располагая деньгами как руководитель темы, опубликовал брошюрку в форме препринта и, проходя все крутые лестницы рецензирования, опубликовал ее без соавторства. На обложке находилась большая греческая буква сигма, обвитая змеей. Все товарищи были рады и поздравляли его. Он щедро дарил экземпляры этой брошюрки с авторским посвящением.

Книжка состояла из двух частей. В первой части были чисто математические выкладки. Во второй – обработка данных смертности североамериканских мужчин за 70 лет. Как ни странно, читателей больше всего интересовала вторая часть: демографические данные оказались очень чувствительны к изменениям экономической ситуации богатой страны США. Малейшее подорожание продуктов приводило к преждевременной смертности людей старших возрастов, и в этом ряду были обнаружены два больших провала, где увеличивалась не только возрастная, но и детская смертность. Первый большой провал – это начало 30-х гг. Это объяснимо. После Великой депрессии в 1929-го г. смертность усилилась (вероятно, проедались сбережения). А вот второй большой провал при-

шелся на 1950-52 гг., и это надо было объяснить. Оказалось, что именно в те годы в связи со второй технологической революцией во всех отраслях производства происходила резкая смена технологий, и одной из издержек этой замены была волна временной безработицы продолжительностью до года. Даже возвращаясь на работу, люди получали гораздо меньше, чем раньше. Хорошо было заметно увеличение уровня жизни населения США в годы Второй мировой войны. Америка наживалась на обеих мировых войнах и, несмотря на ограничения военного времени, все же в целом трудящиеся в США стали жить лучше – отсюда и снижение смертности старшего поколения.

Почему была рассмотрена смертность американских мужчин? В принципе, годилась любая страна, но автор рассчитывал на то, что если его труд попадет в США, то им легко будет свериться с собственными расчетами и тем самым подтвердить научность публикации. Во время интернедели тогдашний руководитель Римского клуба профессор Кинг был очень доволен, получив экземпляр брошюры. Он похлопал по плечу нашего героя и с явным удовольствием сказал, что это здорово, т.к. в данном исследовании все возрастные диапазоны объединены.

В ИКЭМе наш герой работал в лаборатории Казначеева-младшего – сына директора института, поэтому тот вряд ли не знал, что готовится публикация. Более того, скандал, связанный с тем, что ашхабадские медико-биологи высоко оценили вклад новичка в ИКЭМе в то время, как труды весьма уважаемых инстанций объединили в одну статью, дабы просто от них отвязаться, тоже, вероятно, был известен директору. Непонятным было его сильное недовольство самим фактом публикации. Оказывается, перед публикацией материал надо было отдать на прочтение директору, т.к. у него самого есть очень много соображений на этот счет. Во время разноса наш

герой пытался объяснить, что сама публикация была бы невозможна без положительных рецензий двух профессоров и одного членкорра. Причем все трое были членами редакции издательского совета. Т.е. эти люди своим авторством давали санкции на публикацию. Ему явно давали понять, что его успех «незаконнорожденный», а вот если бы директор института был соавтором и свои раздумья насчет смертности населения наш герой мог бы поместить рядом с директорскими, то, возможно, он самостоятельно получил бы лабораторию и «свободный проход наверх».

После тяжелого разговора у нашего героя были такие же ощущения, как и после того, как ему прекратили платить генеральскую зарплату. В качестве компромисса он хотел издать вторую часть препринта, где решались практические задачи, уже на статистических материалах отечественной мужской смертности. Эти материалы были готовы еще до издания первого препринта и, более того, некоторая часть этой обработки была включена в первый препринт. Например, при сравнении смертности советских и американских мужчин в XX-м веке вдруг «выскочила» одинаковая цифра: 166,3 лет. Математические формулы явно давали понять, что эта постоянная имеет биологический смысл – потенциально возможный предел жизни человека. Половина этой цифры, чуть более 83-х лет, – это средний возраст долгожителей. Оказывается, человек может жить вдвое дольше, но не более. Но все дополнительные полвека трудовой жизни качественно перевернули бы мировую цивилизацию. Об этом как раз и сказал профессор Кинг после прочтения. Но, насколько понял наш герой, это было сказано в рамках «золотого миллиарда».

Пришло время, и наш герой объявил в лаборатории, что вторую часть препринта можно издать в двух вариантах: или это сборник статей членов лаборатории, включая в качестве отдельной статьи соображения директора, или это единый

текст, но с авторским коллективом. Он даже не думал, что будут возражения. Но последующие события показали ему, на что способна озлобленная научная бюрократия. Прежде всего, ему отказали в услугах машинистки. А та к тому же ни за какие деньги не захотела печатать текст второй части. Но самый большой удар ожидался позже. Оказалось, что деньги «Якуталмаза» потрачены на другие цели, и он как руководитель этой темы остался без денег. На вопрос к заведующему лабораторией, где он работал как руководитель договора, как же завершить договор без денег, был ответ: «Сейчас к нам уже поступают деньги по другим темам. Ты постоянно докладывай нам, что собираешься делать, и мы по минимуму оплатим твои расходы». Намек был совершенно ясен – наш герой лишился полагающейся ему самостоятельности и, разумеется, они не оплатят расходы какой-либо публикации.

В это время наш герой хотел взять своего сына на работу в качестве лаборанта, ибо нашего героя замучило появление парней, которые хотели бы заниматься перспективной отраслью обработки смертности населения. Ему в этой просьбе отказали. Тогда как желающих поработать в качестве лаборанта не поубавилось. Такова была ярость директора: все было направлено на то, чтобы наш герой ушел из института.

Положение не было безвыходным: рядом с ИКЭМом существовал Институт физиологии во главе с членкорром Виноградовым. Поскольку лаборатория Казначеева-младшего называлась лабораторией экологической физиологии, то было вполне естественно, что заметный научный результат неплохо приживется и в самом Институте физиологии. Переход был оформлен переводом. Сначала его с радостью отпустили, но когда узнали и сообразили, что из института ушел новый источник финансирования, стали звать обратно, иначе как объяснить Виноградову уход? Наш герой поставил условие своим старшим коллегам: только в случае самостоятельной лабора-

тории. Однако это предложение не вызвало энтузиазма в руководстве ИКЭМа, т.к. там сказали, что, узнав об этом, Виноградов тебе предложит лабораторию, тем самым мы невольно тебе поможем выдвигаться выше, тогда как у нас ты был просто наказан.

Положение было предельно ясным: пусть ученый совет ИКЭМа изберет его по конкурсу завлабом, тогда Виноградов согласился бы на межинститутскую лабораторию с паритетным финансированием, возможно, хоздоговора можно было бы поровну разделить между двумя институтами. Но в ИКЭМе поняли, что тогда наш герой будет независим не только от ИКЭМа, но и от Института физиологии. Таким образом, начнутся публикации без соавторства, что было для ИКЭМовской верхушки смертельно опасным, т.к. дурной пример заразителен. Так что наш герой ничего не ожидал из ИКЭМа и решил незаметно зарабатывать на хлеб насущный. Но положение резко ухудшилось из-за внезапной смерти Виноградова. Наш герой сразу определил, что человека просто устранили, а новым директором института стал президент медакадемии, у которого были другие научные интересы, он демографией не занимался. В то время началось резкое сокращение кадров в меднауке. Поэтому врачей старались сохранить и от других непрофильных специалистов просто вежливо избавлялись.

Начался новый период безденежья и неуверенности в завтрашнем дне. Но наука продолжает развиваться. В то время в НГУ еженедельно собирались два семинара. Это был семинар по интеллектике И Лоденко и семинар по теоретической историографии Н. Розова. Наш герой сначала присутствовал на обоих семинарах как слушатель. Но потом стал брать темы для докладов, предполагающих осмотр огромного библиографического материала. Доклады прошли успешно, три раза у Лоденко и один раз у Розова. Но ни тот, ни другой не предложили ему тему, связанную с получением зарплаты. Вскоре умер

Лоденко, и семинар взялась вести одна женщина из НЭТИ, занимающаяся социологией искусств. Но тут произошло неожиданное. Как только члены семинара собирались, и она принялась устанавливать свои порядки, все постепенно уходило, захватив нашего героя, в свободную аудиторию, и там продолжали обсуждение тем по программе Лоденко. В семинаре всегда должен был быть кто-то, кто дает слово другим. Этим руководителем стал наш герой. Через три месяца, исчерпав программу Лоденко, они решили больше не встречаться. А наследница Лоденко просто каждый раз приходила и видела только одного или двух бывших слушателей. Руководство НГУ предложило этой даме собирать своих почитателей в НЭТИ. Наш герой продолжал посещать семинары Розова и, к своему удовольствию, нашел способ применения математических методов в исторических исследованиях. На семинаре изучались труды всех известных противников марксизма-ленинизма. Но поскольку наш герой знал о подноготной марксизма-ленинизма гораздо больше, чем даже доктор наук Н. Розов, то эти обсуждения ему уже начали надоедать. Для участников семинара, в основном студентов, какое-то учение верно или неверно (молодежный экстремизм). На самом же деле существовал третий вариант: учение верно, но не полно. Например, экономическое учение Маркса учитывало около 28% экономических факторов, опираясь на которые можно было сделать достоверный кратковременный прогноз. Однако в длительной перспективе остальные 72% экономических факторов (медленно изменяющиеся факторы), которых при локальных прогнозах можно считать постоянными, за десятилетия существенно сдвигают исходные факторы.

Но это обстоятельство весьма существенно, когда рассматриваются экологические проблемы, ибо экологические катастрофы обнаруживают свое влияние на экономику и здоровье человека спустя в среднем пять лет. Поэтому, чтобы «сшивать»

экономические модели с экологическими, требуется экономический прогноз с достоверностью не менее семи лет. Но в институте экономики тогда линейные прогнозы давали достоверность только на два года. Отсюда вывод: нужны нелинейные экономические модели, которые по своей вычислительной сложности превосходили мощность всех тогдашних ЭВМ. Следовательно, начать научный задел в этом направлении мог бы позволить себе только академик. Во всяком случае, под чужой авторитет наш герой мог бы затеять это дело. Но это означало потерю самостоятельности, на что он решиться никак не мог.

Главным научным достижением посещения обоих научных семинаров была его задумка написать объемную монографию под названием «Политическая интеллектика», по аналогии с политической экономикой. В этой книге он собирался рассказать обо всех коммерческих решениях, которые показывают внутрикоммерческий паразитизм: Маркс в своем «Капитале» показывал не только возникновение прибавочной стоимости, но и возможность злоупотребления властью, когда у тебя есть деньги. Собственно, поэтому экономика со злоупотреблениями называется политической экономикой. Здесь же (в политической интеллектике) должен быть показан процесс, когда злоупотребление властью происходит дополнительно за счет того, что определенное количество информации всегда остается достоянием весьма ограниченного круга лиц, а те в наше трудное время не прочь заработать на перепаде уровня информированности.

По-хорошему, существует так называемая коммерческая тайна. Но роль этой тайны состоит в защите от конкуренции и сохранении авторских прав. Для общества безразлично, компания А или компания В изготавливает потребительский продукт, это, разумеется, входит в состав политической интеллектики. Но речь здесь идет о том, что, когда бывшая элита

начинает зарабатывать на перепаде информированности, а новая элита еще не успела войти в курс дела, то это приводит к резкому понижению уровня жизни более половины населения.

Вычисления с учетом с учетом издательского опыта показывают: на создание этой монографии потребовалось бы не менее \$ 100 000. Хотя, несомненно, эту книжку читали бы во всех странах и, следовательно, проект был бы рентабельным. Однако даже не отсутствие денег было препятствием. Ближайшие коллеги ему объясняли, что сейчас идет период первоначального накопления, и в стране воруют как никогда в России. Ближайшее окружение Ельцина «постеснялось» открыто объявить, что переход от России социалистической к России коммерческой (с сохранением элементов социальной защиты, присущей социализму) лежит через полосу первоначального накопления капитала, а это означает, что воровать надо всем, как милицейским авторитетам, так и бывшим сотрудникам КГБ. Поэтому идея выпускать книгу, написанную руками разведчика – бывшего сотрудника ГРУ, т.е. такого же носителя мало кому известной информации, имела бы скандальный характер. Это может быть рассмотрено бывшими сотрудниками КГБ и ГРУ как убывание их возможностей на поприще заработка денег. Напротив, если полоса первоначального накопления уже прошла, то они не только не будут возражать, но и помогут с финансированием.

Следовательно, дело надо отложить. Такую книгу мало кто может написать, это он понял, сравнивая научные материалы обоих семинаров: западная историография, представителем которой был Розов, была перегружена полемическим задором против коммунизма. Но всем известно, что полемический задор – это не признак интеллекта. Сторонники же Лоденко интересовались лишь использованием интеллектики как науки в сфере образования средней и высшей школы. Соединить это в один кулак мало кто способен, разве что Ельцина

кто-либо заменит из органов безопасности. Поразительно то, что это произошло через десятилетие... Но тогда, в начале 90-х гг., мало кто думал, что в стране будет элементарный экономический порядок.

Начиная с 1990-го г. наш герой почувствовал, что его «опекают». Т.е. его сопровождают на работу, домой и даже на развлечения. Его когда-то учили, как обнаружить «хвост» и при необходимости оставить его в дураках. Но нашему герою некуда было бежать из Академгородка. Он просто часто не пытался получить больше политической информации, чем необходимо, чтобы оставаться в курсе дела.

Поразительное дело, он убедился в справедливости пословицы «бывших разведчиков не бывает». Он по-прежнему в периодической печати, в передачах по радио и ТВ легко расшифровывал на слух сведения в материалах, посвященных, например, сельскому хозяйству: хорошие обзоры буржуазных экономических журналов о крупных распродажах алмазов и драгметаллов, которые существенно влияют на курс валют основных капиталистических государств, о переделе рынков между крупными трансконтинентальными компаниями и т. д. Вероятно, это было связано с тем, что закрытая информация предназначалась многим людям, и сразу изменить шифры не представлялось возможным. Кроме всего прочего, был еще один фактор, который нельзя было игнорировать. В самом Новосибирске существовало около сотни весьма влиятельных людей (позже он узнал, что из них 43% — это представители оргпреступности). Каждый раз, когда партийные деятели требовали убрать из Академгородка этого наглеца и хама, в ответ эти люди говорили им: «На то и щука в море, чтоб карась не дремал». Т.е. открыто выражали пренебрежение к партийным источникам оригинальной информации. Им в лицо прямо говорили: «Вы только умеете воспитывать, а он информировать. Проблема в том, что нам надоело быть

воспитуемыми. Переходите на информирование, тогда и вас будут уважать по-прежнему».

С прекращением финансирования наш герой не мог забыть, что эти люди по-прежнему ждут от него информации, во всяком случае, тем для размышления. Поэтому, хотя он и перестал писать доклады в Центр ГРУ, но примерно ту же информацию использовал в переписке с друзьями из других городов. Зная, что его переписка просматривается цензурой, он был уверен, что выжимки из его переписки по-прежнему поступают в ГРУ. Его стали преследовать чаще, особенно в 1993-м г. Получив по своим каналам сведения о том, что Ельцин собирается расстреливать парламент, он связался с группой людей, которые занимаются обучением способам обнаружения фальшивых банкнот. Однажды он сидел в актовом зале объединенных профсоюзов на Красном проспекте и решал самостоятельную задачу: определить принадлежность редкой банкноты стране-производителю. Кстати, решил он задачу успешно, страной оказалась Аргентина. Руководитель этих курсов была приятно удивлена, т.к. сама с ходу не смогла определить. Горячая женщина-полька тут же привлекла его к себе и поцеловала за сообразительность. Но даже в этот миг чувство тревоги заставило нашего героя повернуть голову к дверям. Там стоял молодой воин-спецназовец, который целую неделю бежал за ним и фиксировал каждый его шаг. Тут наш герой сразу догадался о двух вещах: во-первых, парламент уже горит, во-вторых, будь он сейчас в Академгородке, был бы уже арестован как сторонник Хасбулатова. По-видимому, по всей стране временно изолировали большое количество людей. Через неделю он узнал цифру: 48 тысяч. Большая часть через три месяца была отпущена, а что стало с 12 тысячами оставшихся, он мог бы узнать, посетив Дом офицеров, но он этого не сделал.

Итак, впереди была безрадостная старость, и любимые дети были предоставлены самим себе. Пусть пробьют себе дорожку...

Часть 15 (окончание)

После XIX-й партконференции наш герой, попавший в номенклатуру ГРУ в 21 год, покинул ее, хлопнув дверью. С ним ушли и другие люди. Цепью последовали одни неприятности за другими. Но самые большие из них – это возраст и ощущение напрасности работы в деле сохранения большевистской системы.

Удивлял парадокс: гибнущая система не захотела воспользоваться материалами его и других, таких, как он, чтобы спасти себя. И, по его мнению, такое спасение было возможно. Но наш герой не хотел верить в то обстоятельство, что любая тоталитарная система имеет свой «период полураспада», который равен трем-четырем поколениям, распад неизбежен, и какие бы элитные силы этот распад не пытались предотвратить, они смогли только отдалить этот час...

Итак, самая засекреченная структура в ГРУ, собранная из восемнадцати человек, обладающих исключительными, феноменальными природными данными, в распоряжении которой были все интеллектуальные ресурсы, накопленные российской разведкой за века, не смогла справиться с поставленной задачей, хотя и потратила на это три десятилетия. Закономерно возникает вопрос: почему?

Чем привлекает интеллектуалов работа в разведке? Если не брать в расчет пресловутую романтику, в разведку идут потому, что там «нет проблем, которых нельзя решить – есть люди, не умеющие решать проблемы, значит, есть те, кто может любые проблемы решить; главное – собрать «критическую массу» таких людей».

Любая разведка по определению (вместе с теми, кто управляет финансовыми потоками) является несущей конструкцией любой государствообразующей системы. Но не всегда список системообразующих факторов может быть полон, и поэтому любая госсистема с неполнотой таких факторов обречена. У нашего героя, естественно, возник вопрос: каковы же эти недостающие факторы? Да, он знал, что учение Маркса верно, но оно неполно, и три составные части марксизма явно требовали дополнения. Однако и его двух дополнительных факторов тоже не хватало. По крайней мере, эти три составные части надо было утроить...

Оставалось только одно: все начать заново, но с кем?

Наш герой стал посещать многочисленные митинги и собрания начала перестройки. Вдруг найдутся единомышленники?

Он заметил его на одном из митингов. Все ораторы, как правило, «крестили» тоталитарную систему, а этот, что было удивительно, говорил о возможных путях выхода из кризиса. Однако это были разрозненные предложения, не связанные в единую систему. Но выбирать было не из чего, и наш герой решил при удобном моменте с ним встретиться.

Позже выяснилось: тот был по форме антиподом нашему герою. Если в разведке закрытость деятельности – это атрибутный фактор ее существования, то для другого главной тайной его деятельности было «не иметь никаких тайн» и вследствие этого искать кадры для новой демократической России. Такие люди должны обладать лишь одним свойством – уметь сказать нечто такое, что всегда интересно слушателям, т.е. в демократическом государстве деловые люди не должны испытывать недостатка в надлежащей информации, ибо остродефицитная информация – это дорога к монархизму.

Но самым важным для оппонента было то, что даже в самом бредовом сне не приснится ни одному разведчику, – со-

трудничество интеллектуальных элит разведок всех цивилизованных стран мира. Однако доводы, приводимые оппонентом, заставляли задуматься. Тем более что аргументом в пользу этого были факты, по случаю упомянутые нашим героем в беседах с ним.

Например, во время ВОВ советская военная разведка и белогвардейская эмигрантская работали вместе, как единое целое. По соответствующим каналам секреты атомного оружия перетекли в СССР, чтобы в мире сохранялся баланс между полярными силами, а когда СССР опередил США в производстве водородного оружия, соответствующая информация утекла из СССР в США, и баланс был восстановлен. Оппонент нашего героя продолжил этот ряд.

По ТВ показали фильм о том, как в 60-х гг. в СССР в одном из авиационных КБ впервые в мире был разработан (коллективом конструкторов), а затем испытан (сыном знаменитого авиаконструктора Ильюшина) стратегический бомбардировщик С-100 «Сотка». Его корпус (планер) полностью состоял из титана, крейсерская скорость составляла 3500 км/ч, а дальность полета доходила до 10 000 км. Эти параметры и высота полета не позволяли ни одной противовоздушной системе ни одной из стран мира стать серьезным аргументом против такого самолета, способного нести оружие массового поражения. Однако после успешного испытания «Сотки» и вручения высших правительственных наград конструкторам и испытателям самолет был пущен на слом, т.к. он нарушал стратегический мировой баланс. До сих пор даже в начале XXI-го века ни одна страна в мире не имеет самолета с такими данными...

Тем самым оппонент «доказал» нашему герою, этому старому волку разведки, то, что тот сам прекрасно знал: существует некий «черный интернационал», поддерживающий стратегический баланс в мире.

Поэтому оппонент предложил идти дальше...

Его доводы: у руководства большинства цивилизованных стран стоят, как правило, недалекие люди, снобы с большим апломбом, мнящие о себе Бог весть что. Ситуация осложняется тем, что научно-технический прогресс позволил и небогатым странам иметь более дешевое (химические, бактериологические и т.д.) средство массового уничтожения, а правители этих стран еще более амбициозны. В борьбе амбиций между развитыми и не очень странами последние могут стать детонаторами необратимых процессов. Однако в каждой стране в различной степени существует интеллектуальная элита, из которой формируются органы безопасности. Особо доверенный костяк этих составляющих органы безопасности структур живет в условиях «номенклатурного гарема», т.е. их как интеллектуалов пользуют, но за это хорошо содержат, они ни в чем не нуждаются. Среди этой интеллектуальной элиты всегда есть те, кого не устраивает такое существование: они не желают, чтобы их доили, пользовались их информогенными способностями. Они сами хотят участвовать в решении судеб своих и общества, тем более что их знаниями бездарные руководители пользуются не так, как надо, часто извращая, выхолащивая рекомендации, что усиливает желание интеллектуалов выйти из-под контроля.

[Все знают, что монархизм – хороший выход из положения, когда национальные ресурсы ограничены и их следует тратить на самое необходимое. Президентская республика тогда оптимальна, когда при бедности ресурсов есть единая технологическая программа для развития всей страны. Парламентская республика хороша лишь тогда, когда национальных ресурсов хватает как на воров, так и на деловых людей, т.е. здесь воровство не является отрицательным фактором всей системы управления страной, ибо денег хватает на всех. Таким образом, вопрос лишь в том, как направлять

развитие страны на оптимальное существование парламентской республики. Парламентская республика Хасбулатова была препятствием для воровства, но это означало торможение первоначального накопления, что было нехорошо.]

По мнению оппонента, из элитных информогенов и должна быть сформирована «надструктура», которая возьмет под свой контроль всю планетарную систему с единственной пока целью: не дать высокопоставленным бездарностям нарушить гомеостаз этой планетарной системы.

Другая цель предполагает <...>.

То, что предложил нашему герою оппонент в качестве первой цели, не лезло ни в какие рамки, вызывало яростное сопротивление, т.к. опрокидывало напрочь все каноны, по которым работали все секретные службы в любой стране...

Для начала оппонент предложил «пройтись» по всем резидентурам иностранных разведок, что паслись в Академгородке. Оппонент сказал, что в одном из публичных выступлений в райисполкоме местный руководитель отделения КГБ доложил, что в Академгородке представлены спецслужбы девятнадцати государств. Однако наш герой знал, что на этот момент их было двадцать три. Их руководителей он знал лично. Оппонент сказал: «С этих ребят и надо начать...», нашего героя от такого предложения мог хватить кондрашка, но матерый волк разведки пережил и это... <...>.

Сошлись на том, что создать какую-либо организацию можно всегда при любых условиях, но для этого необходимы достаточно убедительные аргументы <...>. Таковыми могут стать только те парадигмы, лежащие в основе идеологии предлагаемой структуры, которые недоступны для понимания власть предержащих в силу их уровня интеллекта. С другой стороны, эти послы в своей законченности должны «соединять несоединимое». Ибо носителей неординарного интеллекта нельзя в принципе заставить работать в одной команде, т.к.

каждый из них настолько самодостаточен, что присутствие аналога крайне раздражает и не дает возможности работать.

Таких можно объединить в одну команду только опосредованно, сделав «гальваническую развязку» по интеллекту, т.е. интеллекты не должны напрямую соединяться, интеллектуально поле (пространство) возможных решений, интеллектуальной деятельности, правила игры в котором абсолютны, и этим правилам в принципе не могут не доверять те, кто в этом пространстве возможных решений взаимодействует.

Эта задача на данный момент не решена никем, даже подступы к ней слабо просматриваются. Однако в наших друзьях в сумме было то, что давало им возможность взяться за эту тему... <...> ... и они решились...

Все это будет потом, а сейчас оппонент был представителем совсем другой формации. Отличия от нашего героя были кардинальными. У нашего героя всегда имелись хозяева, над другим их не было. Наш герой был ставленником все еще мощной системы и служил ей верой и правдой, несмотря на явное разногласие с ней. Другой по понятным причинам и в грош не ставил всю государственную систему вместе с ее «начинкой»...

Они «случайно» встретились морозным днем декабря 1993 г., когда в ДУ Академгородка ожидалась встреча с одним из популярных тогда демократических лидеров. В ближайшие дни должен был состояться референдум по принятию новой конституции страны. Лидер на встречу так и не приехал, и многочисленная публика, толпами ходившая на морозе около ДУ, выражала недоумение по поводу несостоявшейся встречи. И никто из присутствующих, в том числе и они, тогда не предполагал, что в этот день открылась принципиально новая глава в истории ... и не только российской разведки...

ОКТАВАГ

Подписано в печать 11.01.2005 г.
Формат 60x84/16, бумага газетная, печать офсетная, 14,25 п. л.
В авторской редакции. Тираж 1000 экз., заказ 001
- Ответственный за выпуск Т.А. Коробейникова
Корректор Ю.К. Редя
Компьютерная верстка Л. С. Богуславская
Отпечатано ИПП «Art-Avenue»
Новосибирск, 630090, ул. Институтская, 4/1 - 504, тел. 30-38-34